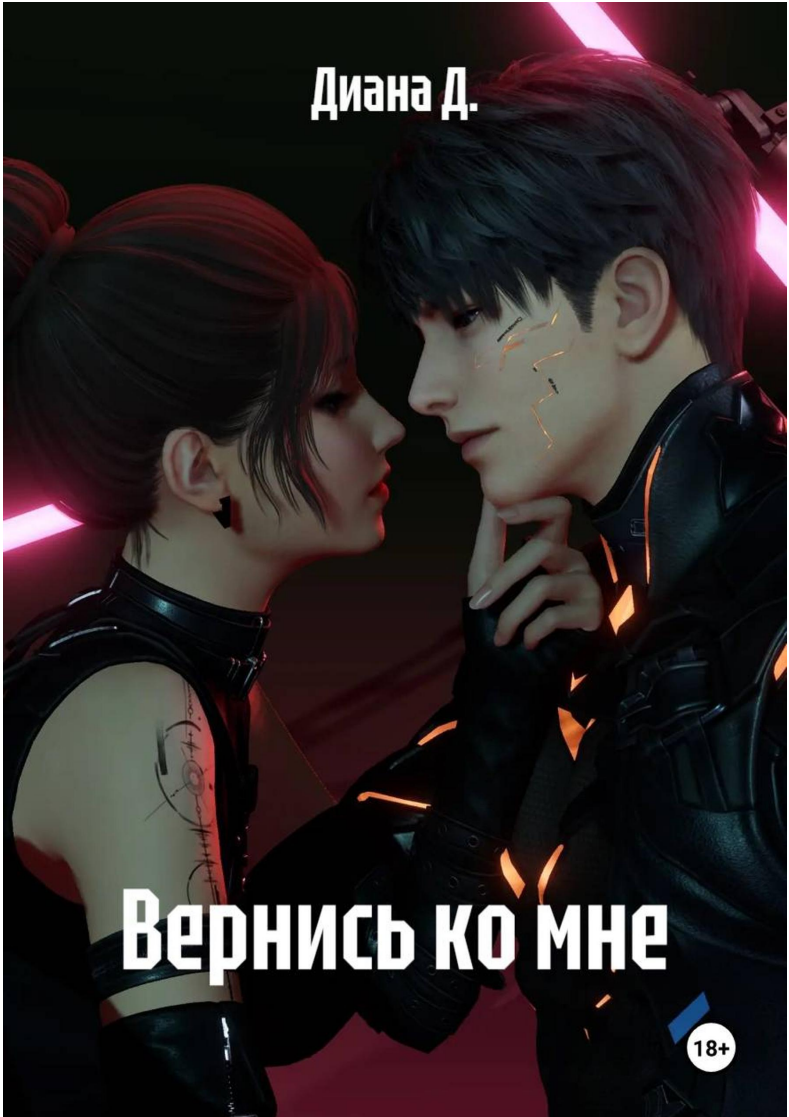

Диана Д.
Вернись ко мне
18+

Диана Д.
Вернись ко мне

https://litres.ru/74781359
SelfPub; 2026

Аннотация

Далекое будущее. Планета Кор-Ларион. Принцесса Рейна много лет думала, что друг ее детства Калеб погиб. Но он не просто выжил – он стал страшным кошмаром ее королевства, раздираемого гражданской войной. Поставив на кон все, включая свою жизнь, Рейна вступает в ожесточенную борьбу за сердце и разум того, кто когда-то беззаветно ее любил, а сейчас – едва узнает.

Эта работа начиналась как фанфик по игре Love and Deepspace, но быстро переросла в ориджинал (за исключением имен некоторых героев). Поэтому эта история будет интересна как поклонникам игры, так и тем, кто с ней не знаком.

Содержание

Часть 1 4
Часть 2 19
Часть 3 34
Часть 4 57
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Вернись ко мне

Часть 1

Лампы в зале для совещаний привычно мигали, выдавая нестабильность напряжения в проводке. Починить их пытались несколько месяцев, но пока тщетно. Я мысленно пообещала себе вернуться к этому вопросу при первой удобной возможности и села в кресло во главе длинного стола, за которым обычно собирались все командиры для ежедневных отчетов. Дверь в противоположной стороне зала открылась, пропуская во внутрь мрачную, как туча, Лору. Меня охватило дурное предчувствие.

— Ваше Высочество, — подойдя к столу, приветственно кивнула Лора и, дождавшись моего разрешающего жеста, села на соседнее кресло.

— Выкладывай, — сказала я. — Что успело случиться за три часа, что мы не виделись?

— Нам удалось наконец выйти на связь с нашим кротом в рядах Ордена. Я не стала ждать до завтра, решила, что вы захотите узнать обо всем сейчас, — начала было Лора, но потом осеклась, потупив взгляд.

Усилившаяся тревога холодным жидким металлом растеклась где-то в районе моего солнечного сплетения. Лора, которую я видела такой растерянной всего раз или два за всю

жизнь, неуверенно посмотрела на меня и наконец сказала:

— Тот командир черных, который в маске… который убил Сэма и… зверски казнил губернатора оккупированной Марелии… — Лора протянула мне папку с документами. — Это Калеб.

Мое сердце пропустило удар. Казалось, что грудь сдавили невидимые тиски, лишая возможности хоть немного вздохнуть. Калеб?… Друг моего детства, который… погиб семь лет назад?

— Это невозможно… — прошептала я. — Я видела! Видела, как горел тот отсек. Оттуда нельзя было выбраться, огонь уничтожил все!

Ужас от услышанного мешался в моем сердце с едва уловимой радостью, за которую мне было, конечно же, стыдно. Но он был жив! ЖИВ! Тот, кто стал мне другом, братом, единственным человеком, кому я доверяла самые сокровенные тайны своей души… Я не ценила его достаточно, пока не потеряла. И это стало самым болезненным уроком моего детства и всей жизни. Но теперь… у меня появился шанс все исправить, шанс вернуть все, что у нас было?…

«Тот командир черных, который убил Сэма и зверски казнил губернатора, - это Калеб».

Убил Сэма, брата Лоры и командира лучшего отряда. Публично четвертовал губернатора на глазах у его семьи.

Калеб.

Мой Калеб.

Мой Калеб?…

Я открыла папку с расшифровками донесений, к которым скрепкой была приколота всего одна фотография: мужского лица в профиль, наполовину скрытого железной маской, которую ее владелец, скорее всего, снимал в момент съемки. Слабое освещение и ухудшенное из-за явного зума качество не позволяло увидеть его достаточно четко, но все мое нутро кричало: это он. Только повзрослевший, возмужавший… ожесточенный.

Я подняла глаза на Лору. Она смотрела на меня так, будто слышала каждую мою мысль, хотя казалось, что ее взгляд не выражал ровным счетом ничего. У меня засосало под ложечкой, а руки задрожали.

— Мне нужно это обдумать, — спустя несколько минут молчания наконец выдавила я и встала из-за стола, крепко прижимая папку к груди.

— Миледи, я понимаю, что вы чувствуете. Но… судя по тому, что он творил, это больше не тот мальчик, который рос с нами, - сказала Лора, вставая вслед за мной.

В голосе ее дрожала тревога. И отчаяние. Ей тоже было больно осознавать, что эти ужасы творил тот, кого мы когда-то считали близким другом. Кого и Сэм считал близким другом…

— Мне нужно побыть одной, Лора. Спасибо за сведения и твою работу, ты можешь идти, — из последних сил выдавливая из себя улыбку, сказала я и направилась к выходу из

зала совещаний.

Сердце мое глухо стучало где-то в ушах, пока я на ватных ногах шла до своей комнаты. Сказать отцу? Он наверняка уже знает, не могла Лора сообщить сначала мне, а потом своему королю. Что он скажет? Что думает? Что чувствует?

— Рейна, дорогая, у меня для тебя новость, — отец присел передо мной на корточки так, чтобы наши глаза были на одном уровне. — У нас появится новый член семьи.

Я радостно захлопала в ладоши:

— У вас с мамочкой будет еще один ребенок?

Отец на мгновение помрачнел, но после снова натянул лучезарную улыбку.

— Нет, — покачал он головой. — Но с еще одним ребенком ты угадала. Скоро сюда прибудет сын нашего… кхм… главного соперника.

— Того страшного дяди в маске, которому ты объявил войну и победил? — нахмурившись, спросила я.

— Да, верно.

— А зачем его сыну ехать к нам?

Отец на мгновение снова замялся, но потом уверенным голосом ответил:

— У него дома ему плохо, там все разрушено, а здесь ему будет лучше.

— Но разве его семья не будет по нему скучать? — спросила я, живо представляя, какой ужас испытывала бы сама, увези меня кто-нибудь прочь от любимых родителей.

— Его семья… не такая как наша, солнышко. Они жестокие и суровые люди, этому мальчику будет только хуже, если он останется с ними, — ответил отец, ласково погладив меня по щеке.

— Тогда пусть он скорее едет к нам, здесь ему будет хорошо! — радостно захлопав в ладоши, засмеялась я, а потом вдруг посерьезнела и спросила: — А у него игрушки есть? Или мне придется с ним делиться? Я не хочу отдавать все, некоторые мне очень дороги…

Отец засмеялся и потрепал меня по волосам.

— Не волнуйся, с этим мы точно разберемся. Он прибудет сегодня вечером.

— А как его зовут?

— Калеб. Его зовут Калеб.

Дрожащей рукой я закрыла дверь своей комнаты изнутри, прогоняя морок воспоминаний. Ноги сами понесли меня к голограммеру, руки сами набрали нужную комбинацию цифр, и через мгновение передо мной появилась понурая фигура отца.

Долгие годы жестокой и изнурительной гражданской войны оставили на нем свой страшный след, и теперь его некогда пышущее здоровьем и энергией красивое лицо покрылось глубокими морщинами, а под глазами залегли темные круги. Мое сердце сжалось, едва наши взгляды встретились: мой — полный тревоги, и его — почти пустой и безразличный. Только едва уловимая тень выдавала его решимость и

непоколебимость.

— Здравствуй, дочь, — уставшим голосом приветствовал меня он. — Что-то случилось?

— Да, я думаю, ты знаешь, о чем я хочу поговорить, — дрожащим голосом сказала я.

Отец нахмурился и отвел взгляд, принявшись бездумно перекладывать какие-то папки на своем столе.

— Слушаю тебя, — сказал он.

— Как это возможно? Как он выжил? — спросила я, не решаясь пока задать главный мучавший меня вопрос.

— Я полагаю, что то нападение на нашу летнюю резиденцию близ границы было лишь прикрытием. Настоящей целью было не запугать нас, а похитить Калеба. Я догадывался об этом, ведь тело мы так и не нашли. Да, в том отсеке, где он прятался со слугами, огонь уничтожил вообще все, в том числе любые останки, но тем не менее… Я чувствовал, что что-то не так. И мои опасения оправдались. Орден выкрал его. И столько лет успешно скрывал ото всех.

— Как так вышло, что за все семь лет мы ничего об этом не слышали? — спросила я.

— Ты прекрасно знаешь, сколько наших лазутчиков сгинуло в логове этих фанатиков за все годы, что идет эта чертова война. Только сейчас одному из них удалось передать нам крупицы сведений, — плохо скрывая раздражение, сказал отец.

Невозможность иметь свои глаза и уши в стане врага были

для него особенно болезненной темой, ведь из-за этого мы почти всегда пребывали в неведении о следующих действиях противника. Наши шпионы гибли едва успевали обосноваться во вражеском тылу, а исключительный фанатизм последователей Ордена делал их вербовку просто невозможной. Мы гадали, что двигало ими в большей степени: вера в будущий справедливый новый мир или страх перед соратниками, не гнушавшимися никакими зверскими методами расправы. Каким бы ни был правильный ответ, для нас итог всегда был один — мы оставались глухи и слепы.

И из-за этого мы столько лет понятия не имели, что Калеб все это время был у них. Что они с ним делали? Как обращались? Почему он стал тем, кем стал?...

— Ты, вероятно, хочешь еще о чем-то спросить? — спросил отец, вырывая меня из размышлений.

С мгновение я молчала, но после на выдохе произнесла:

— Что ты намерен делать?

Отец глубоко вздохнул.

— То, что он когда-то жил с нами, ничего не меняет. Он убийца и враг нашей страны. И когда мы победим — если к тому моменту он будет жив — судить его будут по всей строгости наших законов, — не терпящим возражений тоном сказал он, смотря мне прямо в глаза.

— Отец, он не просто жил с нами, он был членом нашей семьи… — начала было я, но он перебил меня:

— Мы дали ему кров, мы дали ему тепло и заботу, ели с

ним за одним столом, и вот как он отплатил нам. Увы, дочь, кровь гуще воды. Он был славным мальчиком, пока жил с нами, но я никогда не забывал, кто он и чей сын. А он сын убийцы и монстра, не знающего ни пощады, ни благородства на пути достижения своих кровавых целей.

— То, что его породил такой ужасный человек, не значит, что и Калеб обречен стать таким! — выпалила я быстрее, чем успела себя осечь.

Отец грустно усмехнулся:

— Однако же разведсводки говорят об обратном. В кровожадности он ничем не уступает Люциусу. Вспомни, что он сделал с губернатором.

Кадры с той страшной казни мгновенно всплыли в моей памяти. Орден порядка специально распространил их по всем возможным информационным каналам, чтобы показать, как он будет наказывать всех «псов прогнившего королевского режима». Я вспомнила могучую мужскую фигуру в маске и экзокостюме, держащую в вытянутой руке отрубленную голову губернатора. Когда я впервые увидела это фото, то не сразу смогла понять, это вообще человек или боевой андроид. А это был Калеб…

— Может… может, они что-то сделали с ним? Может, они что-то сказали ему, настроили против нас, обманули. Мы должны разобраться, отец! Мы должны его вызволить! — отказываясь сдаваться, выпалила я.

— Мы не можем себе этого позволить даже если захотим,

— плохо сдерживая раздражение, сказал отец. — У нас нет ресурсов на спасательную операцию.

Отчаяние захлестнуло меня.

— А ты и рад сдаться, да? — тихо спросила я, стыдясь собственного обвинительного тона. — Ты никогда ему до конца не верил. Даже когда он делал все, чтобы доказать тебе свою верность!

— Довольно! — рявкнул отец, хлопнув широкой ладонью по столу. Прищурившись, он смерил меня полным недовольства взглядом, но после смягчился и сказал: — Дочь, мне тоже очень жаль, что так вышло. Пусть я никогда не забывал о его происхождении, я успел привязаться к мальчику. Но теперь это не имеет никакого значения. Ради нашего же блага мы должны вырвать из сердца любую жалость. На войне ей нет места.

Я опустила голову и принялась рассматривать свои лежащие на столе руки. В глаза бросился очередной заусенец на большом пальце, и я тут же стала пытаться его отодрать. Через несколько попыток он наконец поддался, и на коже показалась капля темно-алой крови.

Отец был прав. Это был один из первых уроков, что преподнесла мне война: жалость к врагу порой может стоить тебе жизни. Я прикрыла глаза и медленно выдохнула, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце.

— Ложись спать, дорогая. Все будет хорошо, — стараясь придать своему голосу как можно больше оптимизма, сказал

отец.

Я кивнула, так и не поднимая на него глаз.

— Доброй ночи, — сказал он.

— Доброй ночи, — тихо ответила я и хотела было посмотреть на него, но он уже отключился.

С минуту я еще сидела в кресле, переваривая весь наш разговор. Внутри меня вдруг все затихло: и дрожащий голос надежды, и грозный бас человеколюбия, не терпящий и не прощающий жестокости. Осталась только тишина и выжженое поле, на котором, подобно маленькому слабенькому росточку, вдруг прорезалось желание вспомнить прошлое. И на мгновение забыть о реальности.

Я достала из ящика стола планшет и открыла папку, которую предпочитала игнорировать уже много лет: «Калеб — фото». Я начала с самой первой фотографии, с которой мне улыбался веселый мальчуган с фиолетовыми глазами и растрепанными каштановыми волосами. Калебу здесь было, кажется, уже 13 лет — больше половины из которых он прожил с нами.

— Калеб, Рейна, мы вас обыскались! Отец поднял на уши гвардию, весь лес прочесали дважды! Как вы посмели уйти без ведома воспитателей так далеко?! — кричала мне прямо в лицо мать, на глазах ее блестели слезы.

Калеб крепче сжал мою руку, делая небольшой шаг вперед.

— Ваше Величество, я могу все объяснить, — уверенно

начал было он, но вдруг за спиной матери с грохотом открылась большая дубовая дверь, и из-за нее показалась могучая фигура отца.

Он шел так стремительно, что его мантия развевалась за его спиной словно парашют. В любой другой ситуации я бы засмеялась от этого забавного зрелища, но сейчас все мое нутро дрожало от страха. На лице отца застыло выражение самой настоящей ярости.

— Рейна! Калеб! Где вы были?! — утробным басом прокричал он, нависая над нами.

Его голубые глаза, обычно светлые и красивые словно летнее небо, сейчас налились кровью. Он лихорадочно оглядывал меня с ног до головы, очевидно, в поисках следов травм. Убедившись, что все в порядке, он перевел взгляд на Калеба и, заметив наши сцепленные руки, отшатнулся в догадке:

— Это ты ее подначил? Ты придумал сбежать?! Отвечай мне, зачем ты это сделал?! Чего хотел добиться?! — не сбавляя громкости, прокричал отец, глядя Калебу прямо в глаза.

Меня захлестнула обида за друга. Это я захотела посмотреть на диких тигров, которые в здешних лесах любят собираться вместе и греться под лучами редкого солнца. Это я придумала улизнуть, пока не видят воспитатели. Родители категорически запретили покидать территорию резиденции из-за опасностей в лесу, но я столько чита-

ла про этих тигров, что не могла устоять перед соблазном глянуть на них хоть одним глазком. Калеб уговаривал меня остаться, но, когда понял, что я настроена серьезно, решил пойти со мной, чтобы я не попала в беду. А теперь отец думает, что все было наоборот. Это несправедливо!

— Папа, все было… — начала было я, но Калеб с силой стиснул мою руку, сделал еще один шаг вперед, навстречу моему отцу, и спокойно сказал:

— Я читал про местных хищников, Ваше Величество, и захотел посмотреть на них. Рейна… кхм… Ее Высочество попыталась отговорить меня, но я не послушал, и тогда она последовала за мной. Я сначала этого не увидел, но, когда заметил ее, мы уже ушли далеко в чащу и заблудились. Все это время мы пытались найти дорогу домой и вот только сейчас смогли вернуться. Я прошу вашего прощения, больше такого не повторится. Я готов понести любое наказание, которое вы назначите. Простите, Ваше Величество.

Я в ужасе посмотрела на Калеба и открыла было рот, чтобы опровергнуть его слова, но он снова стиснул мою руку, и я почему-то промолчала, переведя взгляд на отца и затаив дыхание. На его лице заиграли желваки, а в глазах явно читалась борьба: поверить или нет? Наконец, он посмотрел на меня и спросил:

— Все так и было?

— Да, — тихо ответила я. —Калеб просил меня остаться, но я не послушала. Прости нас, пожалуйста. Этого

больше не повторится.

Отец прищурился и еще пару мгновений смотрел на меня, что-то взвешивая в своей голове, а потом тяжело выдохнул и потер переносицу, прикрыв глаза.

— Наказание для вас я придумаю позже, — сказал он тяжелым от усталости тоном. — Сейчас отправляйтесь к медикам, пусть они вас осмотрят. И не попадайтесь мне на глаза до ужина, я не желаю вас видеть. Марш.

Быстро кивнув, мы стремительно бросились прочь. Краем уха я услышала, как наконец дала волю слезам мать, явно перенервничавшая за все то время, что нас искали. Сердце мое сжалось от стыда.

Когда за нами закрылась входная дверь резиденции, я резко дернула Калеба за руку, привлекая внимание. Он остановился и вопросительно посмотрел на меня.

— Зачем ты взял вину на себя? Отец теперь долго будет тебе это вспоминать! — возмутилась я.

Калеб мягко улыбнулся, сделал шаг ко мне навстречу и взял вторую руку, ласково погладив большим пальцем тыльную сторону ладони.

— Ты как-то сказала, что для тебя нет ничего хуже, чем увидеть разочарование в глазах. Я не хотел, чтобы это случилось сегодня. Если он будет думать, что во всем виноват я, а ты пыталась меня остановить, то разочарован он будет во мне, а не в тебе, — объяснил Калеб.

Солнечные лучи, проникавшие в большие окна резиденции,

красиво играли в его фиолетовых глазах — слегка прищуренных от улыбки.

— Но ты ведь тоже… Очень переживаешь, когда он на тебя злится. Зачем ты пожертвовал его хорошим отношением к себе ради меня? — спросила я, непонимающе смотря на него.

— Потому что я всегда буду на твоей стороне, малявка. Забыла? — улыбнулся Калеб и потрепал меня по волосам.

— Эй! — наигранно возмутилась я. — Снова я малявка, хотя ты старше меня всего на год! Вот задам я тебе!

Я в полсилы ударила его по плечу. Калеб засмеялся и принялся отступать. Поняв его намерение, я приготовилась к погоне.

На глазах моих проступили слезы. Кончиками пальцев я коснулась щеки Калеба на фото и провела линию до самых губ.

«Что же они с тобой сделали?» — пронеслось у меня в голове.

Вдруг голограммер громко запищал, оповещая о входящем звонке. Вздрогнув, я отложила планшет и нажала кнопку приема вызова. Передо мной снова возникло лицо отца.

— Черные атаковали летнюю резиденцию и прилежащие фортификационные сооружения. Вы ближе всех к этому району. Собери командование и отправьте на подмогу обороняющимся полк. Сама не суйся и будь готова к эвакуации, если… если наступление сдержать не получится, — сказал

отец твердым голосом.

Сердце мое ухнуло куда-то вниз. По какой-то необъяснимой причине я твердо знала, кто именно командовал нападением.

— Есть, — кивнула я отцу.

Как только он отключился, я вызвала по рации на электронном браслете Лору:

— Собери командование через пять минут в зале для совещаний. И распорядись подготовить мой личный десантный корабль. Я отправляюсь на задание.

Часть 2

— Гарнизон в резиденции передал, что защитный купол еще держится. Противник пытается проникнуть за него живой силой, но пока безуспешно, — начала инструктаж я, изо всех сил стараясь перекричать рев двигателя десантного корабля. — Мы зайдем с тыла и поможем обороняющимся. Трэвис, сколько минут до подлета?

Голос пилота раздался в моем наушнике незамедлительно:

— Десять, мэм.

— Десять минут до подлета, — продублировала я его слова остальным солдатам. — Высаживаемся в темпе, господа, и как окажемся на земле — сразу за мной. Комендант передал мне координаты точки, где нас встретят.

В наушнике раздался противный писк входящего вызова. Я нажала на кнопку приема.

— Командир, у нас наблюдаются помехи, — послышался в устройстве шипящий от нестабильного сигнала голос Лоры. — Я не сразу смогла с вами связаться.

Я ощутила знакомый укол дурного предчувствия. Противник смог установить глушители даже со стороны тыла, откуда мы летели? Но как?

— Поняла тебя, — стараясь не выдать волнения, сказала я. — Трэвис, как работают бортовые системы?

— Все отлично, мэм. Не наблюдаю… — ответил было пилот, как вдруг корабль тряхнуло.

Я и остальная команда едва устояла на ногах.

— Трэвис! — проорала я в наушник.

— Только что по бортовому компьютеру словно прошелся мощный импульс, — сказал как всегда ровным голосом пилот. — Все скакнуло и едва не ушло на перезагрузку. Похоже на…

Вдруг сигнал прервался. Я нажала на наушник, потом еще раз и еще. Тишина. Сердце мое пропустило удар. Что это за технология?...

Рывком я открыла дверь в кабину пилота и наклонилась к самому уху Трэвиса, чтобы он смог услышать меня через шлем:

— Корабль знает, куда лететь? Что с навигацией?

Трэвис показал большой палец.

— Связь с центром?

Трэвис опустил палец вниз.

Это было плохо. Очень плохо. Я подняла голову и, подчиняясь неосознанному порыву, посмотрела в боковое окно кабины на корабль Лоры, который летел на семь часов от нас. Тот не сбавлял скорости и ровно шел по воздуху, ни на сантиметр не меняя дистанцию между нами. А в следующее мгновение в один из его двигателей влетела взявшаяся буквально из ниоткуда ракета, корабль накренился на бок и начал стремительно снижаться.

— Нет! — прокричала я и бросилась к окну, от бессилия ударив по нему кулаком.

Всего за пару секунд корабль Лоры опустился до уровня верхушек деревьев, а потом неуклюже провалился в их зеленое море. Мы стремительно удалялись, что лишало меня всякого обзора, но за те несколько секунд, что я могла видеть хоть что-то, никакого взрыва так и не последовало. Это давало мне надежду.

Я не сразу услышала голос Трэвиса.

— Прикажете снижаться? — спросил он.

Ужасная дилемма сжала мое сердце подобно железным тискам. Стиснув зубы, я прикрыла глаза и постаралась сделать глубокий вдох. Все мое нутро хотело сказать «да» и отправиться на подмогу подруге. Единственной подруге детства, которую эта ужасная война не забрала у меня. И все же я понимала, что каждая минута промедления может стоить нам опорной точки в виде летней резиденции.

«На войне нет жалости», — раздался в голове голос отца.

Да, даже к своим. И к себе.

— Подняться выше и смотреть в оба. Противник наверняка попытается сбить кого-то еще. Попробуй передать приказ о перегруппировке другим кораблям, но они должны и так понять, что делать. Летим в резиденцию, — изо всех сил глотая слезы сказала я Трэвису и вышла из кабины.

В основном отсеке меня ждали несколько десятков пар глаз, в которых застыл немой вопрос. Стараясь придать сво-

ему голосу твердости, я сказала:

— Когда отобьем резиденцию, вернемся им на подмогу. Взрыва не было, скорее всего они живы.

Остаток пути мы летели молча. И, на удивление, без происшествий.

Когда за последним кораблем нашего полка сомкнулась голубая полупрозрачная стена защитного купола, в моем наушнике раздался голос командующего гарнизоном. Связь была восстановлена?...

— Ваше Высочество, добро пожаловать. Я ожидаю вас на взлетной площадке.

— Принято. Садимся, — ответила я и прокричала солдатам: — Готовиться к высадке!

Едва мои ботинки коснулись земли, ко мне тут же подбежал командующий. Это был крупного телосложения мужчина с громким басом, многолетним загаром и жестким, но добрым взглядом. Я знала его еще с детства, когда он воевал бок о бок с моим отцом во время первой гражданской войны. А теперь…

— Ваше Высочество, — соблюдая весь положенный церемониал, отчеканил он и отдал мне честь.

— Доложите обстановку, — сказала я.

— Мы сдерживаем их натиск у западной стены, противник с переменным успехом проникает через защитный барьер и пытается подорвать стену, но мы успешно отстреливаемся. Главная проблема: нам не хватает рук.

— Нападение идет только у западной стены? — спросила я.

— Да, были попытки прорваться и к северо-западу, но там глубокий ров, через который им сложнее перебираться.

— А с тыла? — спросила я, думая о Лоре.

— Никак нет, Ваше Высочество, — командующий отрицательно покачал головой.

— Прошу вас, во время боевых действий обойдемся без титулов, обращайтесь ко мне просто мэм или командир, — сказала я, а после добавила: — Вам виднее, где сейчас не хватает людей. Командуйте.

***

С момента нашей высадки и до нейтрализации последнего солдата отступившего противника прошло едва ли четыре часа. Победа. Мы отстояли резиденцию. Протяжно выдохнув от облегчения, я оперлась спиной о каменную стену, прикрыв глаза. Рядом радостно свистели солдаты, поздравляя друг друга с успешным отражением атаки. Но у меня на душе было неспокойно. Все было как-то слишком просто и быстро. Неужели противник оказался настолько глуп, что направил на эту точку так мало людей и не предусмотрел скорую переброску подкрепления? Что-то здесь было не так.

Из размышлений меня вырвал противный писк входящего сигнала в наушнике.

— Слушаю, — ответила я.

— Р-рейна… — раздался хриплый сдавленный голос Ло-

ры.

Мое сердце ухнуло куда-то в пятки. Что есть силы я вжала наушник в ухо, словно это могло помочь мне не просто лучше ее слышать, но сразу телепортировать меня к ней.

— Лора! Лора, ты слышишь меня?! Ты в порядке? Где вы? — прокричала я.

Солдаты вокруг меня мгновенно затихли.

— Это… — прохрипела Лора, а после э раздался тупой звук, похожий на удар, и все стихло.

— Лора! Лора!!! — проорала я, но ответа так и не услышала.

Острые иглы страха вонзились в мое солнечное сплетение. В следующую секунду мой браслет завибрировал, сигнализируя о получении данных извне. Это были координаты. Судя по всему, вели они к приблизительному месту падения корабля Лоры, только на несколько километров ближе к резиденции.

Я начала лихорадочно соображать. Лететь туда будет быстро, но что если противник снова заглушит связь и применит ракеты? Мы будем слишком уязвимы. Лучше по земле. Да, точно, на спидерах. Правда, их хватит лишь на небольшой отряд, но ничего, остальные могут на транспортных шагоходах дойти по следам. Главное, успеть. Лора явно в беде, явно в опасности…

Я бегом направилась в транспортный ангар, по пути отдавая приказ лейтенанту моего подразделения направить два-

дцать солдат вместе со мной, а остальным немедленно погрузиться на шагоходы.

— Ваше Высочество… кхм, мэм, вы уверены, что хотите лично отправиться на ее поиски? Это может быть опасно! — прокричал мне вслед командующий гарнизоном, когда я пробегала мимо него на взлетной площадке.

— Я отправила вам координаты, если я и мои люди не вернутся или не выйдут на связь через час, высылайте подкрепление! — ответила я, пулей влетая в транспортный ангар.

И уже через каких-то 10 минут я и еще пара десятков моих ребят неслись на спидерах что есть мочи по лесу в направлении заданной точки. Только бы успеть… Я невольно закусила нижнюю губу, прокручивая в голове хриплый, сдавленный голос Лоры. Мои внутренности холодели от одной только мысли, что я могу потерять еще и ее. Что бы там ни случилось, я ее вытащу.

Подгоняемая тревогой, я отказывалась замечать, что по мере нашего движения лес становился все гуще и гуще, а потому в какой-то момент нам пришлось слезть со спидеров и пойти дальше пешком. Благо, навигатор показывал, что мы совсем рядом. Три километра, два, один… Едкий запах топлива, въевшийся в мою одежду, мешался с ароматом молодой хвои. Лес пел голосами множества птиц и насекомых, и делал это так красиво и убаюкивающе, словно приглашал забыть обо всем и остаться здесь навсегда. Я невольно вспомнила, как в детстве любила гулять здесь с отцом и друзья-

ми, как… минутку, ведь именно здесь когда-то обитали те самые тигры, на которых мы пошли смотреть вместе с Калебом! Сейчас их здесь совсем не осталось, бедняг истребили, но это был все тот же лес. И, казалось, он совсем не знал минувших с тех пор лет, не знал войны. Здесь время будто остановилось…

Вдруг вдали послышался шум. Мы замерли, прислушиваясь. Выстрелы? Крики? Взрывы? Стараясь сдержать страх, я скомандовала отряду приготовиться к бою и ринулась вперед. Густая чаща хлестала нас по лицу ветками и листвой — в это время года мягкой, но сейчас бьющей не слабее самого безжалостного кнута. Задыхаясь от адреналина, я неслась вперед, проламывая себе дорогу буквально руками. Пятьсот метров, четыреста…

Я не сразу заметила, когда именно лес начал вдруг редеть, а пробираться сквозь него стало гораздо проще. Все мои мысли заглушала какофония битвы, звучавшая уже более чем отчетливо. Еще несколько минут бега, и вот в глаза мне ударил солнечный свет, а сами мы выбежали на небольшую опушку, где, как мне казалось, должен был идти бой… Но здесь было совершенно пусто. Я на мгновение замерла, оглядываясь, и весь отряд вместе со мной. Ни звуков сражения, ни криков, ни взрывов. Все стихло. Будто ничего этого и не было. Или?…

Вдруг раздался выстрел. Потом второй. Третий. Боковым зрением я увидела, как рядом на землю упали несколько мо-

их боевых товарищей. Я рванула в сторону, командуя всем разбежаться врассыпную, но это была жалкая попытка — лазеры бластеров настигали всех, а до противоположной стороны опушки, откуда, очевидно, и стреляли, было слишком далеко. Отчаяние охватило меня, но я приказала телу сделать все, чтобы поскорее добежать до кромки леса по правую руку и скрыться за деревьями. И стоило мне и еще нескольким из моих людей зайти в тень спасительных, как мне казалось, крон, нам навстречу словно из ниоткуда вышли солдаты противника и открыли огонь. Погибли все, кто был со мной.

Кроме меня.

Я поняла, что случилось в других частях леса, еще до того, как услышала предсмертные крики остальных членов отряда. А после над опушкой вновь воцарилась давящая тишина. Казалось, сам лес и его обитатели боялись подать малейшие признаки жизни.

Внутри меня словно образовался вакуум. Ловушка. Это была ловушка. И очевидно, что целью была я, раз я единственная — во что мне очень не хотелось верить — осталась в живых. Идиотка, чертова идиотка… А Лора? Лора наверняка уже была мертва.

Дула бластеров, еще мгновение назад стрелявшие в моих товарищей, теперь синхронно уставились мне в грудь, отдавая немой приказ сделать шаг назад. Я посмотрела было на свое оружие, но щелчки взвода десятка бластеров напро-

тив меня ясно дали понять, что времени на раздумья у меня немного. Они явно хотели, чтобы я вернулась на опушку.

Но зачем?

В голове у меня мелькнула догадка: устроить очередную показательную казнь, и на этот раз — члена королевской семьи? О, это бы произвело фурор.

Боялась ли я смерти? Безусловно. Я даже не буду пытаться притвориться, что это не так. Я никогда не забуду, что чувствовала и о чем думала в своем самом первом бою: «Лишь бы выжить, лишь бы снова увидеть отца и мать, дом и друзей. Я еще так много не успела сделать и увидеть. Я еще так молода». И эти чувства не стали слабее ни на десятый, ни на пятидесятый бой. Каждый раз я думала лишь о том, чтобы вернуться домой, чтобы этот кошмар поскорее закончился.

Впоследствии я много раз вспоминала эту бойню и злополучную опушку, думала, а смогла бы я совершить задуманное, если бы он меня не остановил? Наверное, да. Потому что внутри меня словно что-то надломилось. И я до сих пор не знаю, стыдиться ли этого или простить себя.

Но, как бы там ни было, когда я стала медленно поворачивать дуло бластера к своему подбородку, в моем наушнике вдруг раздался леденящий душу голос:

— Вернись обратно или Лора умрет.

По моему телу пробежала дрожь. Лишь однажды я слышала этот грубый, но звонкий голос — на записи с казни губернатора. Значит, я не ошиблась. И наступлением действи-

тельно командовал Калеб.

Лора жива? Мысль об этом зажглась внутри меня словно маленькая свеча. Я опустила бластер и медленно повернулась лицом к опушке. Если есть малейший шанс спасти подругу, я должна им воспользоваться. Как и шансом наконец встретиться с Калебом лицом к лицу.

Разум кричал о смертельной опасности и призывал отключить все эмоции, чтобы мыслить здраво. Но голос надежды, которая все это время крепла внутри незаметно для меня же самой (хотя, кого я обманываю), стремительно разгонял кровь по телу с каждым новым шагом.

И заставил сердце пропустить удар, когда я наконец увидела его. Калеб был в том же черном экзокостюме с желтыми линиями, что и на страшной записи с казни, на лице — черная маска, сейчас слегка бликующая на солнце, а поверх нее в районе бровей лежали несколько прядей челки. Он стоял у кромки леса со стороны, откуда изначально стреляли в мой отряд. В руках — бластер, ноги расставлены на ширине плеч, осанка ровная настолько, будто в спине у него позвоночник не из кости, а из металла. Издалека казалось, что он и не человек вовсе, а статуя идеального солдата — настолько неподвижно он стоял. И только когда я остановилась наконец напротив него шагах в двадцати, Калеб слегка повел головой, словно разминая уставшую шею.

— Я знал, что ты придешь, — начал было он все тем же ровным ледяным голосом, а потом добавил с неожиданной

желчью и издевкой: — Принцесса.

Я вздрогнула. Как же изменились его интонации. Никогда за те много лет, что мы росли вместе, он не говорил со мной так. Никогда я слышала в его голосе столько холода и равнодушия. Может, это все же не он? Может, это обман?

— Калеб?… — неуверенно позвала я. — Это правда ты?

Вместо ответа он потянулся к маске, коснулся ее в нужном месте, и она раскрылась, обнажая его лицо. С моих губ сорвался сдавленный вдох. Это был он. Только старше, мужественнее… Жестче. Его лицо выглядело таким знакомым, но одновременно чужим. Всегда искрившиеся теплом фиолетовые глаза сейчас напоминали неживые замерзшие озера; уголки губ, большую часть времени когда-то приподнятые в улыбке, сейчас наоборот были слегка опущены, брови нахмурены, а лоб напряжен… Через правую бровь, разрывая ее на две части, пролегал большой красноватый шрам. Очевидно, старый, но все еще ужасающий. Нос в районе переносицы был чуть крупнее, чем я его помнила. Сломан?… Но главное — губы. Они всегда были у него сухими, а сейчас и вовсе словно состояли из кровавых трещин.

И все же это был он.

Калеб.

Он не ответил на мой вопрос и продолжил сверлить меня ледяным взглядом.

— Где Лора? — спросила я, стараясь унять дрожь в голосе.

Страх, надежда, стыд, сожаление и боль — все смешалось во мне, да так, что я перестала отличать одного от другого.

— Она пока жива, — ответил Калеб.

— Отпусти ее, и я сделаю все, что ты скажешь, — сказала я, внимательно рассматривая его лицо в поисках малейшего намека на то, что он лгал.

Или все еще был тем мальчиком, которого я помнила.

— Ты и так сделаешь все, что я скажу, — равнодушно сказал Калеб.

С большим трудом я подавила волну отчаяния, поднявшуюся было где-то на уровне моего горла. Я и правда была не в том положении, чтобы торговаться. Думай, Рейна, думай!…

— Что тебе нужно? — спросила я.

Калеб злобно прищурился, не сводя с меня глаз, но снова промолчал.

— Убьешь меня на камеру, как убил губернатора Мареллии? — вырвалось у меня прежде, чем я успела прикусить язык.

Калеб едва заметно усмехнулся:

— Твоя публичная казнь и правда доставила бы твоему отцу определенные неудобства.

Он так просто это сказал. Будто перед ним стояла не подруга детства, а абсолютно чужой человек. Но вместо отчаяния меня вдруг охватила злость.

— Ты не сделаешь этого, — сказала я, смотря ему в глаза.

Калеб снова усмехнулся:

— Почему? Уж не потому ли, что мы когда-то росли вместе и это должно для меня что-то значить?

Блефует. Он блефует.

Я хотела в это верить.

— Что ж, раз так, то стреляй, Калеб, — сказала я, делая шаг ему навстречу.

На его лице, как и во всем теле, не дрогнул ни один мускул. Я сделала еще шаг.

— Ты наверняка уже настроил все камеры. Стреляй.

Я продолжила идти. Калеб стоял неподвижно, равнодушно смотря мне в глаза. Лишь когда между нами осталось не более двух метров, он взял бластер одной рукой и выставил вперед, целясь мне прямо в лицо. От неконтролируемого страха меня пробила легкая дрожь, но я приказала себе идти дальше.

Он блефует. Все еще блефует. Ведь так?…

— Стреляй, — процедила я, подходя ближе.

Он сжал челюсти, отчего на его лице заиграли желваки. Я неотрывно смотрела ему в глаза, где должен - должен был! - появиться блеск хоть какой-нибудь эмоции, свидетельствующей о том, что ему не все равно.

Я сделала еще шаг. Холодное дуло бластера уперлось мне прямо в лоб. И вдруг я увидела тень — тень сомнения и растерянности, мелькнувшую в его взгляде. Сердце мое возликовало. Значит?…

— Стреляй, — с надеждой сказала я.

Между нами было не более метра. Я могла прямо сейчас взять его за руку. Ощутить его прикосновение, окончательно убедиться, что он жив, что он снова здесь. А что, если?…

Но едва я опустила взгляд к его второй кисти, как ощутила тупой удар в районе виска. Ноги мои подкосились, мир вокруг стал расплываться. Я уже приготовилась было рухнуть на землю, как вдруг меня стремительно, но бережно подхватили чьи-то руки. А после я провалилась в темноту.

Часть 3

Первой в моем помутненном сознании вспыхнула боль: несильная, но жутко неприятная, похожая на ломоту при простуде и проникшая, кажется, в каждую мышцу и кость. После через глухую пелену просочились звуки: странный гул и тихий шум словно от оборудования. Рефлекторно я захотела открыть глаза, но не смогла — веки мои, казалось, налились свинцом и отказывались подчиняться. Мне захотелось подвигать конечностями, чтобы вернуть себе контроль хотя бы над ними, но вдруг до ушей донеслись едва различимые голоса. Замерев и затаив дыхание, я вся обратилась вслух, пытаясь расслышать хоть что-то.

— Сынок, она... надавить на жалость, сыграть на том... вы когда-то были дружны... ты знаешь... это все ложь. Я не сомневаюсь в тебе, — говорил плавный, почти трепетный голос, который в следующее мгновение стал в разы громче и резче: — Заставь ее страдать за каждый день, что они терзали тебя. За каждый день, что украли у нас. Пусть эта тварь кричит так громко, чтобы слышал ее подлый отец! А я буду рядом, здесь, за стеной.

Сердце мое предательски сжалось от страха. Все еще не открывая глаз, я уже знала, кто сейчас находился со мной в комнате. Отец, поднявший мятеж против моей семьи, и его сын, взятый нами в заложники после окончания первой

гражданской войны в качестве гарантии мира.

Люциус и Калеб.

Все долгие годы, что мы росли вместе, я предпочитала думать, что мой отец спас Калеба, привезя его к нам. Предпочитала игнорировать тихий едкий голосок, шептавший, что отец насилу вырвал маленького мальчика из рук его семьи подобно тому, как дерево с корнем вырывают из земли.

И с чего я решила, что Калеб навсегда об этом забыл?

Может, в этом и есть причина его перемены? Его жестокости?

Он ведь не тронет меня?...

Где-то совсем рядом зашуршали одежды вперемежку с глухими удаляющимися шагами — и кто-то покинул помещение, где я оказалась, под громкий щелчок закрывшейся двери. Повисла тяжелая, звенящая тишина. Но Калеб был здесь — я чувствовала его присутствие. Сердце мое бешено колотилось, разгоняя кровь и требуя больше воздуха, но я боялась дышать слишком глубоко и громко. Боялась привлечь к себе внимание, будто это могло мне как-то помочь.

— Не притворяйся, мы давно знаем, что ты пришла в себя, — сказал Калеб и медленно подошел ближе.

Что я испытывала? Страх — перед тем, что он мог сделать со мной? Или просто волнение от неведения и невозможности предугадать следующие события? Иными словами — боялась ли я его? Нет. Все еще нет. Калеб не причинит мне вреда. Это все — фарс. Он должен подать мне хоть какой-то

знак, чтобы я не боялась. Обязательно.

Я открыла глаза и подняла голову, ища его взглядом. Зрение не сразу свыклось с ярким освещением, а после я различила серые металлические стены, усыпанные датчиками вперемежку с диодами, черный, натертый до блеска пол из глянцевого материала, такой же черный потолок, увешенный камерами слежения, но главное — большое темное стекло в половину одной из стен, за которым — я сразу это поняла — была рубка наблюдения. Я же была прикована к металлической стойке, повторяющей форму человеческого тела и поднятой почти вертикально. Я попробовала дернуть руками и ногами, но тщетно — они оказались закованы в специальные держатели, которые тут же больно впились в мои запястья и щиколотки. Калеб стоял совсем рядом со мной у небольшой сенсорной панели, от которой к моей стойке тянулись несколько десятков черных проводов. На экране мелькали различные цифры, символы, а в центре — крутящийся вокруг своей оси силуэт женского тела. Это… я?

— Калеб, что происходит? — с опаской смотря на окно наблюдательской рубки, спросила я.

— Сейчас я буду задавать тебе вопросы, и в твоих же интересах отвечать на них правду и без промедления, — сказал Калеб, не глядя на меня и продолжая что-то настраивать на панели. — Если ты попытаешься соврать мне или о чем-то умолчать, тебе будет больно. Ты поняла?

Я не сразу нашлась с ответом. Казалось, мой мозг отка-

зывался воспринимать всерьез смысл услышанного. Нет, это просто не может быть правдой. Черт возьми, не может! И сейчас я это докажу.

— Посмотри на меня, — сказала я тихо, но так, чтобы только он мог меня услышать.

Калеб проигнорировал мои слова.

— Посмотри на меня, Калеб, — повторила я.

Снова ничего.

— Посмотри на меня! — воскликнула я, не выдержав.

Наконец он медленно поднял на меня глаза — по-прежнему холодные и отстраненные. Я жадно впилась в них взглядом, ища хоть малейший намек на то, что все это — неправда. Будь то едва уловимое движение бровью, краешком губ, головой — что угодно, что говорило бы: «Не бойся, я не причиню тебе вреда».

— Ты поняла меня? — спросил он.

— Калеб, это я. Рейна, — тихо сказала я, с надеждой улыбнувшись. — Ты не узнаешь меня?

Едва заметно дернув головой, Калеб все же не отвел взгляд и продолжил смотреть мне в глаза. Но не с интересом или вопросом, нет. С холодной, окаменелой ненавистью, которая, казалось, принадлежит даже не человеку, а машине, созданной лишь для того, чтобы убивать.

Спустя несколько мгновений, словно разглядев в моих глазах все, что ему было нужно, Калеб опустил голову и нажал что-то на панели. Послышался звук включения, и у са-

мого основания стойки заплясали искры тока. К горлу моему подкатила паника.

— Ты собираешься пытать меня? — спросила я, уже совсем плохо сдерживая страх в голосе.

— Все зависит от тебя, принцесса, — без всякой усмешки сказал Калеб, а потом снова поднял на меня глаза: — Итак, мы получили сведения, что твой отец ведет переговоры с правительством соседней планеты. Они вступят в войну?

Я знала, что мне нужно контролировать свое лицо, чтобы ни одним движением мышц не выдать свою осведомленность. Но этот вопрос настолько удивил меня, что я не сдержалась и все же округлила глаза. Откуда Ордену об этом известно? Эти переговоры ведутся в строжайшей секретности, и только несколько человек во всем королевстве знают о них... Неужели Орден завербовал кого-то настолько близкого к моему отцу? От этой мысли у меня засосало под ложечкой.

Прекрасно осознавая, что своей реакцией я выдала себя с головой, я все же попыталась хоть как-то спасти положение:

— Мне ничего об этом не известно. Отец... никогда не позволял мне присутствовать при этих переговорах и не рассказывал о результатах, — стараясь придать своему голосу твердости, сказала я.

Калеб, все это время не сводивший с меня глаз, недобро прищурился.

— Я повторю в последний раз: если ты попытаешься меня

обмануть, ты пожалеешь об этом, принцесса. Говори правду, — медленно проговорил он, чеканя каждое слово.

— Я не вру, я правда ни о чем не знаю... — ответила я, выдерживая его пристальный взгляд, а потом добавила почти шепотом: — Калеб, пожалуйста, ты ведь... Я знаю, ты не способен причинить мне вред.

Губы его дрогнули в почти злобной усмешке, от которой у меня сердце ушло в пятки.

— И с чего вдруг такая уверенность, принцесса? Думаешь, за годы плена у меня развился стокгольмский синдром? — с издевкой в голосе сказал он.

Я опешила от его слов. О чем он говорит? Какой стокгольмский синдром?...

— Нет, я...

Но он не дал мне договорить, резко подняв руку в воздух.

— Довольно. Я даю тебе последний шанс. Соседняя планета присоединится к войне?

— Калеб...

Я едва успела уловить взглядом движение его руки над панелью прежде, чем все мое тело пронзила адская боль. Казалось, сами кости начали плавиться внутри, поджигая мышцы, а за ними и кожу. Я не сдержала крика, что тут же отразился от черных стен чудовищным эхом. Перед глазами моими на несколько мгновений потемнело, а после все резко прекратилось. Из секундного полуобморока меня вырвал громкий крик:

— Отвечай мне!

Я не заметила, когда он успел подойти ко мне вплотную. Так, что между нашими носами оставалось не более пяти сантиметров.

— Отвечай! — прокричал он мне в лицо.

Сердце мое, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди от шока и недавно пережитой боли. Я с ужасом смотрела на Калеба, больше не в силах сдерживать животный страх, что сдавил мои легкие, норовя лишить всякого кислорода. Мое тело все еще подрагивало от пережитого разряда тока, хотелось вырваться, закрыться, защититься, но я не могла пошевелить ничем, кроме пальцев. От этого чувство паники только усиливалось.

— Я ничего не знаю! Прекрати! — прокричала я в ответ, чувствуя, как по щекам побежали предательские слезы.

— Лжешь, принцесса, и я заставлю тебя говорить, — прошипел он и направился обратно к панели.

— Нет! — только и успела выкрикнуть я прежде, чем тело снова пронзила адская боль.

На этот раз она длилась дольше. Я кричала, извиваясь на стойке и задыхаясь от слез вперемежку с адреналином. Это просто не могло быть реальностью. Это сон. Сейчас я проснусь. Пожалуйста, пусть сейчас я проснусь!...

— Я снова повторю свой вопрос, — донесся до меня голос Калеба, когда полуобморок слегка рассеялся. — Они вступят в войну? О чем твоему отцу удалось с ними договорить-

ся?

Нет, это все происходит взаправду. И это делает со мной он — Калеб.

Прозрела наконец, дура? Ты ведь видела, на что он способен. На что ты надеялась?

Он — твой враг. И ты ему — враг. Которого он не пощадит.

Ты в ловушке. И сама же позволила себя в нее заманить. Теперь тебе отсюда не выбраться.

По крайней мере, живой.

Но я все еще могу сделать хоть что-то. И это — остаться верной своей стране.

Глаза мои, казалось, вот-вот вспыхнут — такими горячими они ощущались. Слегка раскачиваясь на стойке из-за тяжелого дыхания, я подняла на Калеба взгляд из-под полуопущенных от слабости век и бесцветно усмехнулась.

— Я ничего не знаю, а даже если бы знала — не сказала бы.

— Она лжет! — вдруг послышался почти визгливый мужской голос откуда-то из динамиков.

Калеб слегка наклонил голову набок, смотря на меня. Секунда, две, три... Он словно изучал меня, выражение моего лица, мою реакцию. Вдруг он перевел взгляд вбок, куда-то в пустоту, будто задумавшись о чем-то.

Или вспомнив?...

— Калеб, — тихо позвала я.

И он резко перевел взгляд обратно на меня, еще сильнее прищурившись.

— Я заставлю тебя говорить, принцесса.

Нет, я не буду умолять. Я выдержу. Пусть сойду с ума от боли или умру — ни он, ни его сумасшедший отец не услышат моей мольбы. Я не доставлю им такого удовольствия.

Я успела сжать зубы за мгновение до того, как мое тело пронзил новый разряд тока. Я разрешила себе кричать, чтобы эта адская боль переносилась легче.

Если это вообще было возможно.

— Говори, — спокойно произнес Калеб, остановив пытку.

— Пошел к черту! — прошипела я, уже плохо различая черты его лица из-за пелены перед глазами.

Снова разряд.

«Еще! ЕЩЕ!» — послышался где-то на фоне визг Люциуса.

— Отвечай мне! — прокричал Калеб.

В ответ меня вырвало прямо на пол. Сознание начало стремительно угасать, но еще несколько раз на мгновение прояснялось, словно из последних сил цепляясь за реальность.

Постепенно боль практически перестала ослабевать даже когда Калеб прекращал подачу тока. Мне казалось, что она въелась в мое тело и уже никогда меня не оставит. А может, она была здесь всегда?...

Где-то вдали послышался детский смех. Он становился

все громче и громче, а чернота стен перед глазами сменилась светом солнечных лучей.

— Потому что я всегда буду на твоей стороне, — раздался сзади моей черепной коробки голос Калеба-подростка.

Это... галлюцинация?

— Лжец, — прохрипела я, уже не в силах даже открыть глаза.

— Что ты сказала? — послышался голос другого Калеба где-то спереди.

— Ты солгал мне... — горько усмехаясь, выдавила я.

Послышались быстрые приближающиеся шаги, а после в лицо ударили судорожные слова:

— В чем?!

Собрав в кулак последние силы, я с трудом разлепила горячие веки. Калеб стоял почти вплотную ко мне. Наши взгляды встретились.

— Ты обещал всегда быть на моей стороне, — прохрипела я.

— Я больше не твоя шавка, принцесса, — тихо процедил он.

— Ты никогда ей не был. Ты был моим... — начала было я, но губы уже переставали слушаться, а яркий свет перед глазами стал стремительно сменяться тьмой.

— Кем?! — тихо и сдавленно, словно сдерживая себя, спросил Калеб, обжигая дыханием мой нос.

— ...моим солнцем, — ответила я и потеряла сознание.

***

На этот раз я пришла в себя резко, словно вынырнув из воды, и первое, что неосознанно попыталась сделать — это пошевелить руками. Оказалось, они больше не были скованы, напротив — свободно лежали поверх... постельного белья? Несколько раз поморгав, чтобы вернуть фокус зрению, я оглядела себя: на мне была хлопковая ночная рубашка молочного цвета с коротким рукавом, по грудь я была укрыта одеялом, а под шеей ощущалась довольно мягкая, но упругая подушка. Взгляд мой прошелся по рукам: кожа на них местами была покрыта большими сине-желтыми синяками — последствиями ударов током. Кисти в местах соприкосновения с металлическими держателями были в красных, уже начавших синеть линиях. Я живо представила, как сейчас, должно быть, выглядят мои ноги, но не стала срывать с себя одеяло — меня одолевала болезненная слабость.

Я подняла глаза и принялась изучать пространство вокруг, прогруженное в полумрак. Светлые стены, у моей кровати — медицинское оборудование и лампа-ночник, служившая сейчас единственным источником слабого света, большой комод у противоположной стены, и две двери: одна, должно быть, выход, а вторая — в санузел... Комната, в которой я оказалась, была похожа на медицинскую палату. Здесь было и окно, в которое дул ночной ветер, едва заметно играя задернутыми занавесками. Значит, снаружи была улица, и можно попытаться хоть как-то узнать, где я нахожусь.

Но едва я собралась встать с кровати, как одна из дверей резко распахнулась, впуская в комнату яркий, режущий глаза холодный свет. На мгновение в проеме замерла темная фигура, одетая в мантию, а после, закрыв за собой дверь, плавно, даже грациозно прошла вглубь комнаты по направлению ко мне.

— Здравствуй, дитя. Как ты себя чувствуешь?

Я узнала его голос быстрее, чем сумела сфокусироваться на его лице.

Люциус.

От того, насколько правдоподобно в его голосе звучали забота и доброта, мои внутренности сжались в холодном спазме. Я внимательно вгляделась в его лицо: как всегда бледное, но точеное, словно вырезанное из самого светлого мрамора. Его немного раскосые глаза фиолетового цвета сейчас искрились теплом, а тонкие, но фигурные губы были растянуты в самой доброжелательной улыбке. Вокруг них квадратом с мягкими углами была выбрита едва заметная бородка, а темные прямые волосы были зализаны назад. Зрение не подвело меня, он действительно был одет в мантию — темно-фиолетового цвета с бежевым узором, а под низом черный атласный костюм из свободных брюк и такой же рубашки, перетянутой поясом.

Я неоднократно смотрела его публичные выступления — безусловно, талантливые, даже виртуозные. Но только сейчас, наконец встретившись с ним лицом к лицу, я поняла,

почему так много людей пошли за ним. Казалось, что он и не человек вовсе. А кто-то, подчинивший себе саму темную материю, кому достаточно всего одного взгляда, чтобы безошибочно считывать мысли и чувства людей вокруг. Но я знала, что это напускное. Он хочет, чтобы все именно так про него и думали. Поэтому я насилу приказала себе унять дрожь и отключить все эмоции. Ибо именно они — его пища.

— Что вам нужно? — спросила я.

Люциус хмыкнул, подошел к моей кровати и сел на ее край.

Я еле поборола желание вскочить и броситься прочь.

— Я пришел справиться о твоем здоровье, вчера Калеб пусть и не оправдал всех моих ожиданий, но все же… доставил тебе определенный дискомфорт, — начал Люциус, не сводя с меня пристального, но по-прежнему невероятно доброжелательного взгляда. — В конце концов, какой с тебя будет прок, если ты сломаешься после первого же допроса. У меня на тебя большие планы, девочка.

По моему позвоночнику пробежал холодок.

— Что вы с ним сделали? — спросила я сквозь сжатые в ненависти зубы.

— Умилительно, что тебя его судьба волнует больше своей. Почему же, интересно? — все так же тепло улыбаясь, спросил Люциус, не сводя с меня пристального взгляда.

Я с вызовом посмотрела на него в ответ и повторила:

— Что вы с ним сделали?

В ответ Люциус лишь самодовольно усмехнулся и принялся не спеша разглядывать мое лицо, ненадолго задерживаясь на каждой детали, словно смакуя. Когда он взглядом дошел до шеи, то резко вернул его к моим глазам и сказал:

— Что ж, я планировал поведать тебе об этом позже, но раз ты настаиваешь, я не буду тебя томить, — мягко сказал Люциус и повернул голову к окну.

С мгновение он молчал, слегка прищурившись, а потом начал свой рассказ:

— Выкрасть Калеба было непросто, мы готовили эту операцию много месяцев. Решили все скрыть под диверсией, о которой тебе прекрасно известно. Все получилось, мы смогли забрать Калеба, правда, он серьезно пострадал и несколько дней провел в беспамятстве от боли. Но как бы там ни было, я был рад, что он вернулся, что он снова дома. Однако мое счастье длилось недолго. Потому что на третий день своего беспамятства он вдруг начал звать во сне… тебя.

Люциус оторвал взгляд от окна и перевел на меня — все еще невероятно теплый и приветливый. Губы его дрогнули в усмешке, и он продолжил:

— Сначала я не мог разобрать, что он бормочет. Но потом все отчетливее слышал: «Р-рейна, Р-рейна». Прошли еще сутки прежде, чем он наконец не очнулся. И каково было мое разочарование, когда вместо радости от воссоединения с отцом я увидел в его глазах лишь настороженность и холод. Не было никаких сомнений: он сразу меня узнал. Видимо,

вы каждый день внушали ему, какой я монстр. Я объяснил, что мы его спасли и он снова дома, но первым его вопросом было: «Что с Рейной? Она пострадала?».

Люциус замолчал, опустив голову и потирая переносицу. Несколько секунд он смотрел в одну точку перед собой, а после вновь поднял на меня глаза — но теперь полные презрения и жгучей, лютой ненависти.

— Я спросил, почему его это волнует. И оказалось, что мой сын воспылал к тебе горячей любовью за то время, что был вашим пленником, — сказал он, и каждое его слово, казалось, сочилось ядом. — Только услышав, что ты жива и никто тебя не трогал, он наконец открылся для разговора. Спешу тебя огорчить: несмотря на все ваши старания, он хотел понять меня и был рад вернуться в свой настоящий дом. Я видел это в его глазах, слышал это в каждом его вопросе о нашей семье, о прошлом. И я был счастлив. Пока в один момент не спросил, что полезного для нашего дела он узнал за все время, что провел в вашем плену. И тогда Калеб отказался выдать хоть что-то, что могло навредить твоей семейке. Навредить... тебе.

Он говорил, что мне проще сразу его убить, но он никогда не поставит твою жизнь под угрозу. Я не верил своим ушам, пытался вразумить его, напомнить, с кем именно он жил все это время, но тщетно. Это и правда было что-то глубинное, что-то, что простыми разговорами не вырвать из его сердца… Но я не собирался проигрывать, не собирался снова от-

давать его вам. И решился на отчаянный шаг, чтобы освободить его. Очистить от той погани, которой вы загадили его душу.

— Ч-что вы сделали? — тихо спросила я, чувствуя, как внутри все холодеет.

Глаза Люциуса сверкнули — то ли гордостью, то ли яростью.

— Я выкорчевал из его головы и сердца все, что было связано с тобой. Мы прозвали это «ритуалом очищения». И ритуал этот длился долго — несколько темных мучительных месяцев... Сначала я хотел обойтись малой кровью. Сказал ему, что ты была рада его смерти и приказал моим людям сфабриковать видео якобы с видеокамер в вашем дворце, где твой цифровой двойник говорит, что без Калеба жизнь наконец-то стала лучше. То же самое сделали и про всю твою семью с разных ракурсов и в разных обстоятельствах… Но он не поверил. И тогда я решился на отчаянный шаг: приказал каждый день накачивать его специальными веществами, чтобы мозг стал более восприимчив, и показывать эти видео из раза в раз. В этом состоянии он становился более разговорчивым, поэтому я быстро узнал, что, оказывается, твой отец с самого начала относился к нему предвзято. Как и ко всему, что он считает недостаточно чистым и безупречным по сравнению с его августейшей особой. После долгих бесед со мной Калеб в конце концов выпустил на свободу всю свою ненависть к нему. А затем и ко всему вашему вшивому ко-

ролевству.

Люциус на мгновение опустил взгляд на мою шею, потом грудь, живот — и обратно. А потом снова посмотрел мне в глаза и продолжил все с тем же ядом в голосе:

— Но не к тебе. Ты оставалась нерушимой крепостью в его голове и сердце, что бы я ни говорил, что бы я ни делал. Когда я пытался вразумить его и объяснить, что ты не можешь отличаться от своей семейки — насквозь прогнившей и упивающейся собственной властью, — он уверял меня, что ты другая, что он спасет тебя. И тогда я призвал на помощь своих шаманов, которые погрузили Калеба в наркотический сон и с помощью гипноза попробовали внушить новые воспоминания о тебе. Это было опасно, мой мальчик мог сойти с ума, но в конце концов все обошлось. И у нас получилось: уже после первой попытки он больше не заливался соловьем о том, какая ты прекрасная и невинная, а лишь растерянно молчал, когда мы спрашивали о тебе. Тогда мы решили повторить этот ритуал несколько раз, пока он окончательно не перестал отличать уродливую реальность от новых воспоминаний, что мы подарили ему.

Люциус снова замолчал, на этот раз чтобы насладиться моей реакцией. А я лишь во все глаза смотрела на него, не веря своим ушам. Не веря, что кто-то может быть настолько жесток по отношению к собственному ребенку. Мне хотелось рвать на себе кожу, лишь бы не чувствовать горечи от осознания, что моя семья, мы это допустили. Что не защи-

тили Калеба и повелись на глупый обман с диверсией. Почему мой отец не спас его, раз догадывался, что это не просто пожар? Почему позволил этому случиться?…

— Оставался лишь финальный штрих, — снова заговорил Люциус, не сводя с меня глаз. На губах его застыла почти кровожадная улыбка: — Существующие воспоминания о тебе. Они продолжали камнем висеть у него на груди и не давали всплыть наверх, к свободе. И тогда я начал уверять его, что все это — обман. Что много лет твоя семья готовила из него оружие против нас, с помощью тех же веществ внушая ложные воспоминания, чтобы вызвать у него преданность и лояльность, а потом отправить назад к нам и сделать двойным агентом. Ты бы видела, как он плакал у меня на руках, благодаря за то, что я очистил его разум от этой заразы. И ведь так оно и есть. Я вытравил из него всю ту чушь, что вы навязали…

— Мы ничего ему не навязывали, мы любили его как члена семьи… — начала было я, а потом осеклась, ужаснувшись собственному голосу — мертвому, пустому, лишенному всякой надежды.

Мое сердце бешено колотилось где-то у самого горла, руки, покрывшиеся холодным потом, дрожали, судорожно сжимая одеяло. Фантазия тут же изобразила Калеба, прикованного к той же пыточной стойке, что и я недавно, — измученного, одурманенного, не отделяющего реальность от бреда… С красными, опухшими глазами, сухими губами, дро-

жащими руками и абсолютно безжизненным взглядом… Затем картинка сменилась, и передо мной вдруг возник образ Калеба с записи казни губернатора Марелии. Теперь я получила недостающий пазл и поняла, кого я видела. Это был не мальчик, что защищал меня от ночных кошмаров и грозы. Это была лишь его оболочка, а внутри… Жив ли он? Или навеки погребен под тяжестью страданий и навязанных иллюзий?

По щекам моим побежали слезы. Горло сдавили рыдания. И мне было плевать, что враг упивается моей слабостью. От бессилия я сжимала и разжимала кулаки, все тело кричало и зудело от желания вскочить, помчаться куда угодно и сделать хоть что-нибудь, чтобы исправить, спасти, уберечь… Но я ничего не могла сделать.

Ничего.

— Зачем вы все это мне рассказываете? — захлебываясь отчаянием и ненавистью, прохрипела я. — Не боитесь, что я все ему расскажу и ваш морок спадет?

Люциус рассмеялся моей угрозе. Да я и сама понимала, как нелепо она звучит.

— Теперь он никогда тебе не поверит. Но ты права, что я не просто так поведал тебе обо всем. Как я уже сказал, у меня на тебя большие планы, дорогая, — мурча, словно сытый кот, сказал Люциус. — Я не буду раскрывать тебе все карты сразу, детали мы обсудим позже, но если коротко, то от тебя потребуется быть умницей и послушно сыграть ту

роль, которую я для тебя заготовил.

Люциус сделал паузу, испытывающе смотря на меня. Я молча выдержала его взгляд, уже зная, что он скажет дальше.

— Но если ты откажешься, то все, через что по твоей вине прошел мой сын, случится и с тобой. И будь уверена, я вдоволь на тебе отыграюсь за моего мальчика.

Сердце мое, на удивление, даже не дрогнуло от его угроз.

— Почему сразу не перепрошить меня, как его, и дело с концом? — спросила я.

— Понимаешь ли, Калеб продемонстрировал уникальную стойкость и силу во время этих ритуалов, — не без самодовольства в голосе объяснил Люциус. — И когда я принимал решение о том, стоит ли их проводить, у меня не было никаких гарантий, что он в итоге не повредится рассудком или вообще останется жив. Но в его случае я не мог не пойти на этот шаг, ибо я должен был спасти моего мальчика.

— Потому что настоящий он, преданный моей семье, вам был просто не нужен, — фыркнула я, отводя взгляд в сторону.

Люциус пропустил мои слова мимо ушей:

— С тобой же я не могу так рисковать, сумасшедшая или мертвая ты для меня бесполезна. Но будь покойна: если ты проявишь упрямство, то я непременно залезу в твою аккуратную миленькую головку, дитя. И ты станешь моей марионеткой. Если, конечно, выживешь.

С мгновение я невидящим взглядом рассматривала точ-

ку на комоде у противоположной стены, пытаясь осмыслить все, что сейчас услышала. Но Люциус не позволил мне погрузиться в размышления:

— Что ж, теперь позволь я тебя оставлю. У меня еще много дел, а тебе нужен отдых. Завтра я снова тебя навещу, и мы обсудим более детально наше… сотрудничество. За дверью всегда дежурит охрана и служанки, так что… — Люциус сделал многозначительную паузу, а потом продолжил: — Ты можешь обращаться к ним по любой нужде. Чувствуй себя как дома, моя милая. И доброй ночи.

С этими словами он поспешно встал и, шурша мантией, вышел прочь из комнаты.

Немигающим взглядом я продолжила смотреть на комод, и только спустя несколько минут поняла, что все это время в моей голове не было ни единой мысли. Только тихий шум.

Я оказалась на самом дне. По собственной вине — что непростительно для единственной наследницы престола. Я позволила заманить себя в ловушку, как наивного ребенка. Но был ли у меня шанс избежать этого? Когда-нибудь я вернусь к этим размышлениям, но сейчас мне нужно думать, что делать дальше.

Тело пронзила фантомная боль — воспоминание о том, что со мной сделал Калеб.

О пытках, которым он меня подверг.

И пусть теперь я знала, что стало причиной его жестокости и отстраненности, это нисколько не умаляло моей горе-

чи. Мне казалось, что-то оборвалось во мне навсегда. Что-то светлое, почти святое, что казалось незыблемым.

Жив ли ты еще, Калеб? Или я больше никогда не увижу и не услышу тебя настоящего?

Тело снова непроизвольно дернулось от страшных воспоминаний, перед глазами возникло лицо Калеба — бесстрастное, холодное, лицо убийцы.

А после вспомнился его секундный взгляд в пустоту — словно на мгновение он выпал из реальности и впал в замешательство.

«Кем?!» — раздался в моей голове яростный крик, в котором только сейчас я расслышала нетерпеливое жгучее любопытство. Нет, — жажду истины.

Или я хотела ее слышать?…

Я встала с кровати, подошла к окну и аккуратно отодвинула занавеску. Моему взору открылся спящий каменный город, в котором почти не было света — только в некоторых окнах мерцали свечи или камины. Видимо, Орден все еще не мог позволить себе использовать электричество круглосуточно. Какая ирония, Люциус. Уже много лет ты обещаешь людям светлое будущее и мнишь себя мессией, но до сих пор не смог обеспечить своим последователям такую простую вещь, как бесперебойная подача электроэнергии. Или это твой очередной хитрый психологический ход по промыванию их мозгов?

Как бы ты ни старался запугать меня, я не собираюсь

становиться твоей марионеткой, Люциус, о нет. И раз уж я здесь, то сделаю все, чтобы разорить твое насквозь прогнившее осиное гнездо.

И я не отдам тебе Калеба без боя. Истинные воспоминания невозможно стереть. Их можно заглушить, подавить, исказить, но полностью стереть — ни за что. Ты заплатишь своей жалкой жизнью за все страдания, что причинил мне, ему и всему нашему королевству.

Я стану твоей погибелью, чертов ты псих. Даже если это будет стоить мне жизни.

Часть 4

Церемония посвящения новых членов Корпуса королевских стражей длилась уже второй час, из-за чего мои пятки начинали потихоньку гудеть. Я так и знала, что не стоит надевать каблуки, но мама была непреклонна. Мы с Калебом стояли на пьедестале позади моих родителей, принимавших клятву верности от новоиспеченных стражей. Мне стоило больших трудов уговорить отца позволить Калебу находиться с нами в этот торжественный момент, а не среди высшей знати, как это бывало раньше. В конце концов, он член нашей семьи. И мне надоело, что в такие важные для нас моменты он всегда оставался в стороне.

— И все-таки красивая церемония, да? — спросила шепотом я, наклоняясь к Калебу.

Он не ответил. Я с удивлением посмотрела на него и не сдержала улыбки: Калеб как завороженный следил за происходящим и, казалось, даже не дышал. Ему всегда нравилась эта церемония и вообще имидж королевских стражей. Он проникся ими, когда несколько лет назад впервые отправился с моей семьей в турне по стране, где наша личная охрана, естественно, сопровождала нас на каждом шагу. Кодекс велел им быть тихими и немногословными, что добавляло шарма в глазах народа. И в глазах Калеба. После той поездки он много говорил о своем желании однажды стать коро-

левским стражем и с надеждой смотрел на моего отца, но тот всегда отвечал уклончиво.

Я думала, что с тех пор желание Калеба поугасло, но теперь я отчетливо видела, что ошибалась.

— Калеб? — тихо позвала я и аккуратно коснулась его предплечья.

Он вздрогнул и резко повернул голову в мою сторону.

— А?

— Ты так смотришь на них… Все еще хочешь стать стражем? — спросила шепотом я.

Калеб отвел глаза и густо покраснел — вплоть до кончиков ушей.

— Я… ну, я… — замялся он, а потом отмахнулся: — Рейна, давай потише, а то нас могут услышать. Его Величество будет недоволен.

Я не стала настаивать, и мы оба снова повернулись лицом к публике. Мысленно я пообещала себе после обязательно поговорить с отцом о посвящении Калеба в королевские стражи.

И когда через пару дней мне наконец удалось найти для этого минутку в плотном графике короля, я получила решительный отказ.

— Но почему?! — возмутилась я, чувствуя, как от негодования начинает гореть лицо.

— Потому что еще рано об этом думать. Ему только 16 лет. Кроме того, я приготовил для Калеба иную роль… —

начал было отец, но я даже не хотела слушать.

— И какую же? Ты повторяешь это уже несколько лет, но никто до сих пор не знает, что же это за роль такая! — взорвалась я. — И знаешь, почему? Потому что ее нет, и ты все врешь! Ну почему ты так ему не доверяешь?! Что он такого сделал?

Не выдержав, отец с силой ударил кулаком по столу и прокричал:

— Довольно, Рейна! Ты забываешь, с кем говоришь! Если я о чем-то умалчиваю, значит так надо для блага всех нас!

От резкости в его голосе на глаза мои навернулись слезы. Увидев их, отец мгновенно смягчился:

— Я доверяю Калебу, иначе бы не позволял вам проводить столько времени вместе. Просто пока рано принимать такие решения. Но когда час настанет, я обязательно обсужу этот вопрос с тобой. Хорошо?

Новая волна возмущения захлестнула меня: значит, никакой иной роли нет, и отец просто не хочет делать Калеба королевским стражем. Равно как и не хочет называть мне причину. Едва сдерживая гнев, я выдавила тихое: «Хорошо», присела в реверансе и пулей выскочила за дверь его кабинета.

Такая несправедливость душила меня. Я отчаянно боролась с комом слез, подкатившим к горлу, дабы не разрыдаться прямо на глазах у прислуги, снующей по коридору то туда, то сюда. Одна из фрейлин, о чем-то переговаривавшаяся со стражником, заметила мое состояние и по-

спешила узнать, что случилось, но я быстро прошла мимо нее и не нашла в себе силы хоть что-то ответить. Мама бы наверняка была мной недовольна: наследница Его Величества, дочь великой династии, и такая несдержанность. Она с детства учила меня, что на моем лице всегда должна быть дежурная улыбка, вне зависимости от моего истинного настроения. Но сейчас мне было плевать на эти правила. Мне хотелось не видеть никого и ничего.

Калеб перехватил меня за несколько поворотов до моих покоев.

— Эй, что случилось? — спросил он, с тревогой заглядывая мне в глаза.

Я не хотела ему рассказывать, ведь мнение моего отца много значило для него. Конечно, Калеб и без того видел, что король относится к нему отстраненно и прохладно, но зачем лишний раз напоминать ему об этом?

— Ничего, я просто… Читала грустную книгу, — ответила я первое, что пришло на ум.

— И она тебя не только расстроила, но и напугала, раз ты так неслась по коридорам? — усмехнулся Калеб.

Понимая, как нелепо звучит моя ложь, я грустно вздохнула и опустила взгляд.

— Я… прошу, не обижайся, я не хочу сейчас об этом говорить.

Калеб на мгновение замолчал, а я не решалась поднять голову и посмотреть на него, потому что знала: на его лице

сейчас наверняка отчетливо читается обида и грусть. Но уже через несколько секунд он сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.